

Фикара

**Плач и вопль кающейся
грешной Души: покаянные
размышления на каждый
день недели**

**заимствовано из книги
"Вертоград Душевный",
издание второе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф50

Фикара

Ф50 Плач и вопль кающейся грешной Души: покаянные размышления на каждый день недели: заимствовано из книги "Вертоград Душевный", издание второе / Фикара – М.: Книга по Требованию, 2020. – 66 с.

ISBN 978-5-458-13700-3

Помещенные здесь покаянные размышления, в перевод на русский язык, взяты из книги "Вертоград Душевный", которая была составлена Афонским иноком Фикарою. Книга эта переведена на церковнославянский язык известным ревнителем православия в западной России Архимандритом Свято-Духова монастыря в г. Вильне Леонтием Карповичем и напечатана там в 1620 году.

ISBN 978-5-458-13700-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дый день передъ сномъ, что и будетъ служить ему какъ бы провѣркою его совѣсти за минувшій день. Кроме того эти покаянныя размышленія дополнены нами еще выдержками—въ концѣ книги—изъ разныхъ знаменитыхъ христіанскихъ писателей и древнихъ мудрецовъ, напримѣръ: Гоголя, Паскаля, Марка Аврелія и Эпиктета—изъ коихъ два послѣднихъ хотя и не были христіанами, но по ученія ихъ на столько высоки и нравственны, что въ числѣ почитателей Эпиктетова ученія были и древніе христіане. Такъ, напримѣръ блаженный Августинъ въ своихъ писаніяхъ отзывается объ Эпиктетѣ съ большимъ уваженіемъ, похвалою и сочувствіемъ. А знаменитый и глубокоученый христіанинъ Оригенъ пишетъ, что въ его время христіане очень усердно занимались ученіемъ Эпиктета, получали себѣ пользу отъ его наставленій и такимъ образомъ еще больше укрѣплялись въ истинахъ христіанскаго ученія. Точно также и нашъ русскій святитель святой Тихонъ Задонскій и въ сочиненіяхъ своихъ сочувственно упоминаетъ объ ученіи мудреца Эпиктета.

И. С. И.

Плачь кающейся души.

РАЗМЫШЛЕНІЕ I.

(Понедѣльникъ).

Добраго, котораго хочу, не дѣлаю,
а злое, котораго не хочу, дѣлаю...
Бѣдный я человѣкъ! кто избавить меня
отъ сего тѣла смерти?..

(Рим. 7, 19—24)

Помилуй меня, Господи, ибо я немо-
щень; исцѣли меня, Господи, ибо кости
мои потрясены! (Псал. 6. 3).

Прими молитву отъ скверныхъ и нечистивыхъ устъ, о Владыко
жѣхъ, Человѣколюбче Иисусе Христе! Не погнушайся мною, какъ
здостойнымъ, какъ неразумнымъ, какъ уподобившимся скотомъ не-
иссленнымъ, — не лиши Твоего утѣшенія бѣдную душу мою, которая
юими дѣлами аду приблизилась! Выщи меня-овцу заблудшую:
вѣтъ во мнѣ ни усердія, ни умѣнья, чтобъ исправить себя; я ос-
впилъ себя удовольствіями плотскими, и вотъ душа моя помрачена,
рдце мое—окаменѣло отъ упоенія страстями... Предъ Тобю,
осподи, Спасе міра, исповѣдую и все горе мое, мое лукавство,
е неразуміе скотское, и всѣ щедроты Твои, все утѣшеніе, все то,
о Ты, Человѣколюбецъ, творилъ со мною по благости Твоей! Съ
маго ранняго возраста я уже оскорблялъ Тебя, не радѣлъ о до-

бродѣтели, прилежалъ всякому злу, участвовалъ во всякомъ грѣхѣ но Ты, о Владыко мой! Ты не смотришь на грѣховность мою, и Твоимъ неизреченнымъ щедротамъ!.. Сыне Божій! дерзновенно под емлю поникшую долу главу мою, уповая на благодать Твою, и потомъ снова опускаю, вспомянувъ грѣхи мои; Твоя благодать вл четъ меня туда противъ желанія моего... Да, зодъ навѣкъ стра сный; онъ вяжетъ мою мысль узами нерѣшимыми, и эти узы ок зываются всегда мнѣ пріятными: злымъ навѣскомъ, какъ сѣтями, океанный опутываю самъ себя и радуюсь, будучи связанъ; погр жаюся въ горькомъ грязномъ омутѣ, и услаждаюсь этимъ; еж часно врагъ поновляетъ узы мои, а я тѣмъ веселюсь... О, ка велико коварство врага! Онъ не связываетъ меня узами, каки я не желаю; но всегда приноситъ для меня такія узы и сѣти, в торыя и самъ съ великимъ наслажденіемъ принимаю отъ него: о знаетъ, что мой грѣховный произволъ сильнѣе меня, и приносит мнѣ такія оковы, какія я самъ пожелаю. Вотъ о чемъ-бы м плакать и рыдать! Вотъ въ чемъ мой стыдъ и поношеніе! Я св ванъ моими же похотями, я могъ бы разбить эти оковы въ од мгновеніе и освободиться отъ всѣхъ сѣтей, но самъ того не хо меня одолѣла слабость моя, меня поработили себѣ навѣки стра ные... И вотъ еще что особенно губельно для меня, вотъ о че должно плакать, покрываясь стыдомъ: я дѣйствую за одно съ в гомъ моимъ: онъ вяжетъ меня, а я умерщвляю себя страстяи которыя доставляютъ ему радость; я могъ бы разбить его око но самъ не хочу: могъ бы избѣжать его сѣтей, но не желаю; е ли что-нибудь горестнѣе этого, достойнѣе слезъ и рыданій!? А жеть-ли быть что-нибудь болѣе постыдное? Нѣтъ! я увѣренъ, не можетъ быть большаго позора, какъ исполнять желанія вр своего.

Таеъ, въ океанствѣ моемъ, я не хочу познать оковъ моихъ тщательно прикрываю ихъ каждую минуту отъ постороннихъ и

въ наружномъ образѣ благоговѣнія; но совѣсть моя, несмотря на то, обличаетъ меня и обличаетъ всегда: зачѣмъ, говорить а,— не трезвишься, окаянный? Или не вѣдаешь, что уже пріѣхалъ страшный день судный? Возстань и укрѣпись, разорви свои оковы: для тебя еще есть сила, могущая тебя вязать и разрѣшать! Совѣсть всегда обличаетъ меня святая совѣсть; но я самъ не хочу встать съ моими сѣтями и оковами; я каждый день плачу и рыдаю о томъ, но остаюсь связаннымъ тѣми же самыми страстями...

окаянный и страстный! Я ни мало не боюсь, будучи опутанъ сѣтями смерти. Моя наружность принимаетъ видъ благопристойности; присутствіи другихъ, но душа остается скованною непристойными помыслами; по внѣшности я тщательно стараюсь казаться благочестивымъ, а по душѣ — я мерзость въ очахъ Божіихъ; лицемерно подделываю рѣчь мою, когда говорю съ людьми, а самъ полнею горечи и лукаваго произвола. Что мнѣ дѣлать въ день гнѣва Божія, когда Богъ откроетъ все тайное на судищѣ страшномъ? Великій страхъ часто сковываетъ мое грѣшное сердце; я чувствую, что затянуть узамъ неисчетныхъ беззаконій моихъ; я знаю, что тамъ ожидаетъ меня мука вѣчная, если *здесь* не умолю слезами моего Судію... Вотъ почему припадаю къ стопамъ Твоимъ, Владыко! не удержи щедротъ Твоихъ во гнѣвъ своемъ, Господи! Ты самъ ожидаешь моего обращенія, Ты не желаешь видѣть никого въ огнѣ неугасающемъ, ибо Ты всѣмъ человѣкамъ хочешь спасти въ жизнь вѣчную, дерзая на челоуколюбіе Твое, умоляю тебя, Иисусе Христе, Сыне Божій! призри на меня и помилуй меня! зведи изъ тьмы беззаконій душу мою, да возсіяетъ свѣтлый лучъ твой въ моемъ помышленіи,— прежде, чѣмъ отойду на будущій день страшный, когда уже невозможно будетъ покаеніе во грѣхахъ... грѣхъ объемлетъ меня, окаяннаго и многомогущаго, или лучше сказать—нечестивца; какъ я пойду туда не готовый и совершенно обреченный отъ всякой добродѣтели! Страхъ и трепетъ связываютъ

меня, когда я вижу, насколько я лѣнивъ къ добруму, какъ обреваюсь грѣшными помыслами, когда вижу, что повинуюсь бѣсамъ которые обольщаютъ меня сластями на погибель... Я уподобилъ купцу лѣнивому и нерадивому, который съ каждымъ днемъ теряетъ свой капиталъ и проценты,—такъ и я, страстный, самъ себя лишая небесныхъ благъ, среди многихъ искушеній, влекущихъ меня на зло... Я самъ чувствую, какъ враги обкрадываютъ меня ежедневно, и вопреки желанію моему увлекаюсь въ постыдные помыслы которые ненавижу... Ужасаюсь при мысли о моемъ зломъ произволѣ, при мысли о томъ, въ чемъ онъ погрѣшаетъ безразсудно, страшусь, когда помышляю о моемъ ежедневномъ раскаяніи, которое не имѣетъ подъ собою твердаго основанія въ воздержаніи, ибо до этого не допускаетъ врагъ души моея: каждый день полагаю я основаніе, и снова своими же руками разрушаю труды свои! еще не положило добраго начала мое искреннее покаяніе, еще не видно конца моему злему нерадѣнію! Я все еще работаю желаніямъ врага моего, усердно исполняя все, что онъ ни захочетъ... О, кто дастъ главѣ моей воду неизсякаемую и очамъ моимъ источникъ слезъ? Пусть бы ручьемъ текли эти слезы и я всегдѣ плакалъ бы предъ всещедрымъ Богомъ, дабы послалъ Онъ благодать свою исторгнуть грѣшника изъ пучины морской, увлекающую ежедневно блудную душу мою бурными волнами грѣховными! Усились злыя хотѣнія мои, они стали язвами неизцѣльными... Блудница оная стала вдругъ цѣломудренною, объятая страхомъ суду Божію; она возненавидѣла скверный грѣхъ, вспоминая будущее осужденіе вѣчное и нестерпимыя муки. А я, несчастный, моля ежедневно противъ страстей грѣховныхъ, не отвращаюсь отъ нихъ, но все еще остаюсь въ моемъ зломъ обычаѣ, и надѣюсь поваять впоследствии... И суетнымъ общаніемъ такого покаянія всегда самъ себя обманываю: всегда говорю, что каюсь, но на дѣлѣ никогда не каюсь; на словахъ только каюсь со тцаніемъ, а на дѣлѣ дѣлаю

пекъ отъ покаянія; а если еще при этомъ благополучно течеть жизнь моя, то и вовсе забываю брѣнность естества моего, забываю, что грѣшу сознательно, и еще болѣе погружаюсь въ бездну грѣсовную... Исавъ не обрѣлъ мѣсто въ покаянію, потому что съ яглымъ намѣреніемъ совершилъ грѣхъ, а не по увлеченію согрѣшилъ: онъ и Бога не устыдился, и родителей огорчилъ — не по аблужденію, а сознательно, и при томъ тогда, какъ родители навѣяли его во всемъ добромъ. Не обрѣлъ мѣста покаянію и Іуда предатель, потому что согрѣшилъ живя съ самимъ Господомъ, и налъ, что дѣлалъ, ибо имѣлъ и опытъ благодати Божіей... Итакъ, его же ожидать мнѣ, окаянному, отъ грѣховъ моихъ, сознательно ною содѣланныхъ? И если только помыслившій злое уже уподобяется содѣлавшему грѣхъ, то какъ же я буду давать отчетъ въ езчисленномъ множествѣ грѣхопаденій моимъ? Хамъ, только помыслившій о позорѣ отца своего, былъ отверженъ; единомысленики Іорея, еще не предпринявшіе ничего худаго, были поглощены землею; также погибли огнемъ небеснымъ воины, посланные взять проока Ілію; Саулъ едва сложился въ помыслѣ въ идолослуженію, же былъ отверженъ; Ахитофелъ не дѣлавшій, но лишь давшій совѣтъ на зло, умеръ во грѣхѣ своемъ; не великъ былъ, по нашему сужденію человѣческому, и проступокъ сыновей Аароновыхъ, цнако же они поплатились за него смертію, наконецъ и Сапфира, ренебрегшая покаяніемъ, не уллучила времени для покаянія. Разматриваю дѣла мои и внимаю моему произволу, жду рѣшенія ражды Божіей и заранѣе признаю праведнымъ мое осужденіе. Заблмъ я оболщаю себя напрасно безукоризненною внѣшностью? Ёдъ я чуждъ всякой дѣйствительной добродѣтели, и всегда творю лотивное предъ очами самого Всевидащаго Бога? Справедливо осужены фарисеи, обличаемые самимъ Спасителемъ, Который называетъ етъ внѣшность полною лицемѣрію и лукавства. И со мною часто лучается тоже самое: я не доволенъ, когда обличаетъ меня совѣсть

моя, жестокими кажутся мнѣ ея обличенія. Да! горька истина тому кто старается укрыться отъ нея.

Итакъ — отложу мою благовидную виѣшность и видны будут черви мои, сниму личину раскрашенную, и увидятъ люди во гробѣ — трупъ разлагающійся, познаютъ цѣну нашихъ дѣяній, и видно будетъ имъ подобіе фарисейское... А если что и сокроется здѣсь отъ взоровъ людскихъ, то все искустся огнемъ на судѣ, по слову апостола. Подай мнѣ руку помощи, Господи, подай руку на землю валяющемуся! Хотѣлъ бы я встать, да не могу: бремя грѣховныхъ давить меня, злой навязъ удерживаетъ меня... Вижу, что нахожусь среди мрака, среди тьмы непроглядной: я простираю руки, будто разбитый параличемъ, въ одно и тоже время — и благодарю и печалюсь; молюсь объ освобожденіи и унываю отъ поста; доброе произволеніе у меня есть, но все отъ чего-то притыкаюсь; люблю я выстаивать долгія службы церковныя, но не забочусь о благоугожденіи Богу. Какъ я дерзну просить оставленія прежнихъ моихъ грѣховъ, не оставляя прежняго образа жизни моего? Какъ совлекусь я ветхаго человѣка тлѣющаго, не отложивъ прежнихъ прельщающихъ меня похотей? Увы мнѣ! какъ я понесу обличеніе законопреступныхъ дѣлъ моихъ и помышленій? Помилуй мя, Божественный Владыко, по величій милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое! уста недостойныя вопіютъ къ Тебѣ, Владыко, сердце нечистое, душа грѣхами себя осквернившая! Услыши меня ради благодати Твоей, не отрини моленія моего, ибо Ты не отвергаеши молитвы истинно кающихся... Но мое покаяніе нечисто, и постоянно: я часъ каюсь, а потомъ цѣлые дни прогнѣвляю Тебя. Укрѣпи мое сердце страхомъ Твоимъ, утверди душу мою на камени покаянія, да побѣдитъ свѣтъ благодати Твоей — сущую мнѣ тьму.

Склонись на молитву мою, преблагій Господи, не ради правды моей, ибо нѣтъ во мнѣ ничего добраго, но ради Твоихъ щедротъ

ади Твоей же многой и неизреченной благодати! Укрѣпи мои члены, убогомъ разслабленные, просвѣти мое сердце, злымъ похотѣніемъ мраченное... Самъ не допускай меня до дѣяній грѣховныхъ, дабы не низвергнуть меня совсѣмъ сопостать.

Не отврати лица Твоего отъ меня, да не услышу отъ Тебя: истинно говорю тебѣ — Я не знаю тебя!“ Спаси, Господи, отъ лерти душу скорбящую, Ты, имущій власть живота и смерти! Ты мѣ сказалъ: простите и дастся вамъ. Очисти же меня, Господи, отъ всякаго грѣха прежде конца, даруй мнѣ, Человѣколюбче, въ еченіи всей остальной недолгой жизни моей, проливать отъ сердца слезы къ очищенію душевныхъ севернъ моихъ, дабы возмогъ я отя немного *здесь* расплатиться по многочисленнымъ рукописаніямъ грѣховъ моихъ, а *тамъ* спастись подъ покровомъ всеильной десницы Твоей, когда вострепещетъ всякая душа отъ страшной славы Твоей. Ей, Владыко, Господи Сыне Божій Единородный! услыши и приими моленіе грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего: я грѣшенъ паче всякаго человѣка, спаси же меня туне — даромъ, одною благодатію Твоею! Ибо Ты — Богъ милостивый и еловѣколюбивый, и Тебѣ возсылаемъ славу, и благодареніе, и купо съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и Пресвятымъ и благимъ и Кивотворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣкъ вѣювъ, аминь.

РАЗМЫШЛЕНИЕ II.

(Вторникъ).

Увы мнѣ! въ какомъ позорномъ состояніи я нахожусь! въ комъ стыдѣ пресмыкаюсь! Моя внутренность нисколько не соотвѣтствуетъ моей благовидной внѣшности; я бесѣдую о безстрастіи, умъ мой день и ночь занятъ страшными помыслами; веду рѣчь чистотѣ, а самъ помышляю о непотребствѣ... Увы мнѣ, горе мнѣ! Какое истязаніе ожидаетъ меня на Судѣ? Да, по истинѣ скажутъ я только прикрылъ себя наружнымъ видомъ благочестія, а о вѣтренней силѣ его и не думаю. Съ какимъ же лицомъ осмѣливаю я приступать къ Господу Богу, знающему всѣ тайны сердца моего когда я повиненъ столькимъ злодѣяніямъ? Предстоя на молитвѣ я боюсь и трепещу, дабы не сошелъ съ неба огонь и не полилъ меня, какъ нѣкогда онъ попалилъ въ пустынѣ принесшии огонь чуждый: *и исшедъ огонь отъ Господа сожже ихъ* (Лев. 10, 2). Чего же ожидать мнѣ, отягченному безмѣрною тяжестью грѣховъ моихъ?.. Окаменѣло сердце мое, извратилось мое доброе намереніе, помрачилась совѣсть моя, я уподобился псу, возвращающему на свою блевотину. Нѣтъ у меня болѣе дерзновенія къ Испытующему сердца и утробы, нѣтъ у меня и единственного помысла чистаго нѣтъ у меня и одной слезы въ часъ молитвы... Если когда воздохну изъ глубины души, сухо остается мое лицо, покрыто стыдомъ грѣховнымъ; ударяю ли себя въ грудь — она жилили страстей, рабочая хранина помысловъ злыхъ... Слава Тебѣ, Едине долготерпѣливые, — слава Тебѣ, благодѣтелю душъ и тѣлесъ нашихъ о сколь велики щедроты Твоя на насъ грѣшныхъ, Господи! Н